

будут использовать факт существования внеземной цивилизации в качестве инструмента для усиления религиозных, экономических, политических и, возможно, военных настроений.

Несмотря на некоторые спорные моменты, рецензируемая книга охватывает понастоящему широкий круг тем и представляет большой интерес для этнологов и антропологов, занимающихся самыми разными теоретическими вопросами. Кроме того, она может служить в качестве пособия при подготовке соответствующего учебного курса для студентов и аспирантов антропологических дисциплин.

Book Review

Chininov, I.V. Review of *What We Know About Extraterrestrial Intelligence: Foundations of Xenology*, by M. Ashkenazi. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 195–198. <https://doi.org/10.31857/S086954150010057-2> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Igor Chininov | <http://orcid.org/0000-0002-1614-5699> | chininov@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology RAS (32a Leninsky prospekt, Moscow, 117303, Russia)

© М.В. Васеха. Рец. на: *Троицкий А.К. Субкультура. История сопротивления российской молодежи 1815–2018*. М.: Белое Яблоко, 2019. 224 с.

Книга Артемия Кивовича Троицкого “Субкультура...”, первая версия которой была издана в 2017 г. в Великобритании, на русском языке вышла в июне 2019 г. Она привлекла мое внимание не только и даже не столько своим подзаголовком “История сопротивления российской молодежи 1815–2018”, который указывает на злободневность поднятой темы, но и — прежде всего — тем, что в этом случае не-антрополог “играет на нашем поле”. В каком-то смысле проблематику субкультур можно считать “базовой”, одной из самых востребованных и “типичных” для нашей науки. Немало моих коллег признавалось, что “на входе” в профессию они были заморожены изучением групп ролевиков, реконструкторов, анимешников, неоязычников, хиппи, йогов и проч.

В выходных данных книги, напечатанной трехтысячным тиражом, издание не обозначено как научное и даже научно-популярное: автор демонстративно отказывается от претензий на “истинное знание”, подчеркивая, что все вышеизложенное — его личный взгляд. Пожалуй, Артемий Троицкий имеет право на такую подачу материала по ряду объективных причин: он являлся не только активным участником “советского инакомыслящего подполья”, но и одним из тех, кто “конструировал”

Мария Владимировна Васеха | <http://orcid.org/0000-0003-4132-4370> | maria.vasekha@gmail.com | к. и. н., научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Рецензия публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН

(суб- или контр-) культуру отечественного андеграунда. Тем не менее очевидно, что исследование Троицкого выполнено в русле публичной истории, а рецензируемая книга будет восприниматься целевой аудиторией как полноценное кросс-культурное исследование. Артемий Троицкий начинает свой труд с экскурса в историю России начала XIX в. и актуализирует разрозненные школьные знания о нигилистах, денди, стилягах и т.д., деятельность которых объединена им в общую концепцию противостояния молодежи и властных структур; кроме того, книга снабжена богатой иллюстративной базой, включающей уникальные фото из личного архива автора. Сегодня одной из главных проблем мировой науки является активный захват информационного поля любителями-непрофессионалами и невозможность академическим исследователям конкурировать с ними за выход на широкую аудиторию. Учитывая, что массовый читатель (а также журналисты, редакторы и продюсеры ТВ-каналов) часто не понимает разницы между профессиональными исследованиями и публикациями, авторы которых далеки от науки (Васеха 2016: 113) — или, что не исключено, сознательно делает выбор в пользу тех, кто не ограничен “кабинетными рамками”, — рецензирование труда А.К. Троицкого представителем антропологического сообщества видится важной и необходимой работой.

Считается, что интерес к изучению молодежных сообществ возник во второй половине 1960-х годов в связи со всплеском активности в среде молодежи (студенческие революции, движение битников и проч.), а в нашей стране в силу особенностей советской идеологии к теме субкультур обратились лишь с началом политических послаблений — в середине 1980-х годов. При этом большинство отечественных работ того периода носило скорее описательный характер. Настоящим прорывом стал выход в свет книги известной петербургской исследовательницы Т.Б. Щепанской “Символика молодежной субкультуры” (Щепанская 1993), которая была написана с применением свежих научных методов и высоким уровнем обобщений. Публикация этой работы вызвала всплеск интереса в научной среде к изучению различных молодежных сообществ, движений и российской “субкультуры” как феномена. Среди современных авторов, работающих с проблематикой молодежных движений, можно назвать М.Д. Алексеявского, Д.В. Громова, М.А. Кудряшова, Д.А. Литвину, М.Л. Лурье, Е.Л. Омельченко, Д.Б. Писаревскую, Д.А. Радченко и многих других. Кроме того, вышло немало сборников и коллективных монографий, в которых поднимается тема неформальных сообществ, а самый влиятельный российский антропологический журнал “Этнографическое обозрение” с завидной регулярностью посвящает ей специальные номера.

Харизматичного и в некотором роде влиятельного (по преимуществу в медийной сфере) Артемия Троицкого в нашей стране принято относить к никоим образом не институализированной категории “интеллектуальных селебрити”: в разное время он предстал то в ипостаси журналиста и публициста, то музыкального критика и промоутера, то в качестве автора ряда популярных книг категории *non-fiction* (“Back in the USSR”, “Тусовка. Что случилось с советским андеграундом”, путеводитель серии Ле Пти Фюте «Москва “от зари до зари”. Тусоводитель» и др.). Пожалуй, в своих предыдущих работах Троицкий выступал как “внутренний эксперт” советского/российского андеграунда, поскольку был одной из его ключевых фигур и имел непосредственное влияние на формирование и развитие альтернативного культурного подполья 1970–1980-х годов и музыкальной тусовки 1990-х. В рецензируемой книге он делает попытку “приподняться над материалом”, существенно расширяет границы исследуемого периода и в целом претендует на то, что его работа — полноценный исторический труд, заявляя, что “в каком-то смысле эта книга — альтернативная история России” (с. 18). Будучи уверенным, что “прошлое питает настоящее”, автор рассматривает историю России через призму влияния на нее поколений молодых

“яростных и непохожих”, становившихся в нашей стране, по мнению Артемия Кивовича, инициаторами социальных, культурных и политических изменений.

На мой взгляд, “главным героем” книги выступает не заявленный объект исследования — субкультура, а сам ее автор. Его голос, политическая позиция, ирония, культурный бэкграунд чувствуются на каждой странице. Видится, что именно эта особенность является как самой сильной стороной рецензируемого издания, так и его главной слабостью. Автор при написании текста, очевидно, руководствовался практически исключительно собственной позицией и познаниями в той или иной области, основанными на личном опыте, и привлекал лишь весьма ограниченный круг научных работ, которые он сам считал “симпатичными” (в основном по проблематике XIX — середины XX в.). Судя по всему, автор не потрудился ознакомиться с новейшими антропологическими и социологическими исследованиями молодежных субкультур. Более серьезное изучение историографии вопроса могло бы существенно изменить главы книги о современном состоянии этих сообществ в России. Автор же демонстративно предлагает написать этот материал своей дочери-тинэйджеру, поскольку сам он “не очень разбирается” в современной молодежи (с. 215), и в итоге делает вывод, что сегодня “молодым тут не место” (с. 199). Также вызывает сожаление тот факт, что автор, по-видимому, не знаком с трудами М. Мид (*Мид* 1988: 422), которая еще в середине XX в. задалась вопросом: существует ли молодежный бунт у примитивных народов как необходимый этап взросления (тема была актуальна в период студенческих волнений середины XX в.), и сделала вывод о том, что это не так, т.е. “бунтарский период молодости” как таковой не заложен в человеческой природе изначально. Будь Артемий Кивович знаком с классическими антропологическими работами, возможно, он взял бы на вооружение несколько иной исследовательский фокус для своего труда.

Очень смущает и культурно-политический контекст рецензируемого издания. С первых же страниц Троицкий однозначно дает понять, что он находится в оппозиции по отношению к власти; вся книга “работает” на то, чтобы донести до читателя основную мысль автора: “Россия — идеальная страна для бунтарей, потому что для бунта всегда есть причина” (с. 11). Троицкий прямым текстом клеймит нынешний российский “режим” и пытается отыскать среди современной молодежи новых героев, новых “декабристов” (и в итоге с сожалением констатирует, что сегодня не на кого возлагать такие надежды). Таким образом, вся работа, по замыслу автора, должна представлять собой обширную доказательную базу для обоснования необходимости очередного витка борьбы “непохожей” молодежи с “генетически унаследованной” современной “диктатурой”. При всем уважении к личным политическим взглядам автора, подобный предвзятый и совсем не научный подход, к сожалению, обесценивает этот яркий и самобытный текст и превращает его в масштабный политический памфлет.

Отдельно хотелось бы отметить странные интерпретации исторических фактов и не менее странные авторские трактовки некоторых событий. Так, например, Троицкий утверждает, что Петр I — первый российский “альтернативщик”, по мнению автора, — заставил русский народ “переодеться из длинных татарских кафтанов и бесформенных шаровар” (с. 21). Также ничем не подтвержденная информация о том, что подписанный в 1939 г. пакт Молотова—Риббентропа отодвигает хронологические рамки Великой Отечественной войны на два года назад, подается им как бесспорный факт. И таких свободных авторских интерпретаций в книге очень много.

Принимая во внимание озвученные выше характеристики, можно сделать вывод, что рецензируемый текст не заслуживает появления на страницах уважаемого научного издания. Однако я считаю необходимым обратить внимание научного сообщества на данную работу. Если отбросить политический подтекст, во многом автоэтнографическая книга Троицкого представляется весьма интересной для антропологов,

культурологов и социологов в первую очередь из-за самого автора текста, личный опыт которого позволяет рассматривать его труд как источник для изучения неформальных культур позднего советского и раннего постсоветского периодов непосредственно из первых рук.

Широким жестом автора под понятие “субкультура” подпадают народовольцы, террористы, революционеры, беспризорники и проч., которые, вероятно, отвечают критерию противостояния Власти (а последние – по принципу создания “своего” фольклора – «жизненного, смелого и действительно “альтернативного” советской показухе») (с. 108). В параграфе о Коммунистическом союзе молодежи, во многом автобиографичном, автор размышляет о первой попытке государства создать организацию, целью которой было бы “формирование” молодежи “под одну гребенку”. В итоге он делает вывод о невозможности создания единого конформистского класса молодежи. Не менее автобиографичен параграф о фарцовщиках как “жрецах” (с. 132) черного советского рынка и их культурно-экономической среде, однако исчерпывающего ответа, по каким характеристикам автор относит их к субкультуре, не дается.

Безусловно, самыми интересными и информативными являются главы, где рассказывается о субкультурах 1970-х годов и далее, частью которых был сам автор и о которых он высказывает мнение непосредственного наблюдателя и участника. И тут даже не только рокеры, рейверы, клабберы, митьки и др., к возникновению которых автор был так или иначе причастен, но и совсем противоположные идеалам Троицкого любера, братки, гопники и проч. описываются через призму его личного восприятия и опыта соприкосновения с ними. К сожалению, не все перечисляемые автором сообщества “проработаны” с одинаковым погружением в тему, а некоторые и вовсе вызывают справедливый вопрос: на каких основаниях та или иная группа причислена к “субкультурам”? Здесь необходимо отметить, что знакомство с работами Е. Омельченко о “молодежных солидарностях” (см., напр.: Омельченко 2014) могло бы помочь автору в этом вопросе. Также хотелось бы, чтобы автор уделил большее внимание теоретической стороне исследования, разобрался с дефинициями (хотя бы с границами понятия “молодежь”) и проанализировал используемый им поголовно для всех термин “субкультура”, однако, возможно, это было бы слишком большим требованием к автору-любителю.

Троицкий ставит весьма интересный вопрос: как связаны между собой явления русской молодежной культуры и западные молодежные феномены? И тут же заявляет, что не знает ответа, но утверждает, что “даже знакомые ярлыки – те же денди, яппи или хиппи – в России заметно мутировали и представляют собой нечто иное, нежели в оригинале” (с. 18). Это вызывает сожаление, поскольку формат книги, как мне кажется, как раз и предполагает ответ именно на этот вопрос.

Троицкий разочарован в современной российской молодежи – том самом “непоротом” поколении девяностых-нулевых – как в создателе контркультур/субкультур и носителе “революционного потенциала”. Большую ставку он делает на нынешних школьников – “реальное боевое поколение” десятых годов “путинской реакции” (с. 220) – участников протестных митингов последних лет; по этой причине последнюю главу он называет “Все сначала!”. Несомненно, рецензируемый труд нельзя назвать научным исследованием. Если бы автор не сделал из своей работы откровенного политического заявления, книга могла бы занять достойное место среди качественной литературы категории *non-fiction* – конечно, с учетом большого количества субъективных утверждений и небесспорных трактовок, которые имеют место быть в публицистике. Для нас, профессиональных антропологов, данная работа представляет безусловный научный интерес как важный источник по изучению молодежи и различного рода (контр)культурных солидарностей, поскольку написана автором, принимавшим активное участие в конструировании позднесоветского и раннего постсоветского молодежного неформализованного культурного пространства.

Научная литература

- Васеха М.В.* Международный конгресс исторических наук // Вестник антропологии. 2016. № 1 (33). С. 112–115.
- Мид М.* Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988.
- Омельченко Е.Л.* От субкультур – к солидарностям и назад к субкультурам? Споры о терминах и этнография молодежной социальности // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 3–8.
- Щепанская Т.Б.* Символика молодежной субкультуры. Опыт этнографического исследования системы 1986–1989 гг. СПб.: Наука, 1993.

Book Review

Vasekha, M.V. Review of *Subkul'tura: Istoriia soprotivleniia rossiiskoi molodiozhi 1815–2018* [Subculture: A History of Resistance of the Russian Youth, 1815–2018], by A.K. Troitskii. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 3, pp. 198–202. <https://doi.org/10.31857/S086954150010058-3> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Maria Vasekha | <http://orcid.org/0000-0003-4132-4370> | maria.vasekha@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)